Славяноведение, 2023, № 4, с. 65–77
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 65–77

DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9 Оригинальная статья / Original Article

Праздники в среде русской эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е годы

© 2023 г. Е.П. Серапионова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

serapionovae@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме повседневной жизни русской диаспоры в ЧСР в 1920–1940-е годы, а именно праздникам, которые отмечали эмигранты. В ней дается типологизация праздников, сравнивается интенсивность их отмечания в разные десятилетия, показаны как общие для всей эмиграции праздники, так и специфические праздничные мероприятия, характерные только для Чехословакии. В качестве источников для разработки данной темы использовались хранящиеся в архивах отчеты организаций и объединений, информация, содержащаяся в газетных заметках, кинохрониках, воспоминаниях и дневниках эмигрантов. Автор статьи ставит и старается ответить на вопрос – объединяли ли праздники разные направления и группы эмиграции или разъединяли. В работе показана роль эмигрантских праздников в сохранении национальной идентичности в условиях инородной среды, а также во взаимопроникновении культур чешского, словацкого и русского народов.

Ключевые слова: Русская эмиграция, праздники, Чехословацкая Республика.

Ссылка для цитирования: *Серапионова Е.П.* Праздники в среде русской эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е годы // Славяноведение. 2023. № 4. С. 65–77. DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9

Holidays Among Russian Emigration in Czechoslovakia in 1920–1940s

©2023. Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

serapionovae@mail.ru

Abstract. The article deals with everyday life of the Russian diaspora in Czechoslovakia in the 1920–1940s, namely the holidays celebrated by emigrants. It gives the typology of holidays, compares the intensity of their celebration in different decades, shows both common holidays for all emigration and specific festive events that are characteristic only for Czechoslovakia. The main sources for this research are the reports of the organizations and associations, publications in the newspapers, documentaries, diaries

and memoirs of the emigrants. The author raises and tries to answer the question – if the holidays unite different directions and groups of emigration or separate them. In the work, she showed the role of emigrant holidays in the preservation of national identity in the conditions of the foreign environment, as well as in the interpenetration of the cultures of the Czech, Slovak and Russian peoples.

Keywords: Russian emigration, Holidays, Czechoslovak Republic.

For citation: *Elena P. Serapionova*. Holidays Among Russian Emigration in Czechoslovakia in 1920 –1940s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2023. No. 4. P. 65–77. DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9

Как известно, «Не хлебом единым жив человек». Большинство эмигрантов из России очутились за границей без средств к существованию, им буквально приходилось выживать, зарабатывая себе на жизнь тяжелым трудом, (и, учитывая это, их правильнее называть беженцами) [Йованович 1995, 677]. Как отметил в статье об эмиграции обосновавшийся в Чехословакии историк, педагог, политический и общественный деятель Б.А. Евреинов: «У эмигрантов было отнято все: они пришли в изгнание нищими, полуголодными, больными, неся с собой только то, чего нельзя было отнять: свою рабочую силу, свое умственное и культурное достояние»[1]. Им было трудно, так как кроме работы для заработка, многие из них, не желая порывать со своей прежней специальностью, занимались наукой, литературой, искусством или продолжали учиться. Но и в эмиграции они старались жить обычной жизнью, отмечать традиционные дореволюционные и новые праздники, причем как в семейной обстановке, так и собираясь более широкими группами.

Таким образом, проведение праздничных мероприятий и ознаменование памятных дат в эмигрантской среде, особенно традиционных и церковных, являлись как способами сохранения обычаев и национальной идентичности, так и инструментами сплочения людей разного возраста, профессий, социального происхождения и политических убеждений.

Однажды в ГАРФе мне попался любопытный документ[2], который свидетельствовал о том, что в начале XX в. государственными и общественными деятелями активно обсуждался вопрос о праздничных днях в России. Действительный статский советник, член Государственного совета Владимир Михайлович Андреевский зимой 1909 г. в Клубе общественных деятелей выступил с докладом, в котором излагал свои предложения в Госсовет. Из доклада следовало, что в России праздники любили, официально их было 91–94 дня в году, тогда как в странах Западной Европы и Восточной Азии чуть больше 60 дней. Получалось, что, если в зарубежных странах работали 300–305 дней в году, то в России в среднем 250 дней. По мнению автора доклада, обилие праздничных дней вело к колоссальному ущербу для державы и пагубно сказывалось на сельском хозяйстве, торговле, железнодорожном транспорте, в учебном деле и вело к росту преступности «вследствие праздничного разгула и кутежей». Андреевский настаивал на необходимости компромисса с церковью и сокращения нерабочих дней «с тем, чтобы хоть несколько уравнять шансы России в международном состязании с другими державами». Священный синод не нашел никаких нарушений канонического права в этом проекте и разрешил в особом циркуляре духовенству наставлять паству на то, чтобы не

[1] Культурное и научное наследие, 225.
[2] ГАРФ. Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 22. Л. 25..

препятствовать народу работать и в праздники, но самих праздников не отменять! Все это говорило о том, что праздников было много, самых разнообразных: и церковных, и светских. В условиях эмиграции русские люди не собирались отказываться от своих привычек, тем более что большинство эмигрантов были людьми молодыми, которые любят веселиться.

В Чехословакии, как и в других странах рассеяния, отмечались традиционные религиозные праздники: Рождество, Пасха, Троица и др., которые не обходились без посещения церковных служб, походов в гости и приема гостей. Очень красочно описала празднование Пасхи дочь неофициального посла русской эмиграции в ЧСР В.Т. Рафальского Ирина Владимировна. Она вспоминала: «Мы жили очень скромно, но на Пасху и мамин день ангела у нас всегда ломились столы, и приходил каждый, кто вспомнил. На Пасху к нам приходило человек пятьдесят»[3]. По ее словам, даже двери снимали с петель. В их семье красили на Пасху сто сорок яиц, пекли тринадцать, а то и шестнадцать куличей, часть угощений относили в церковь. О пасхальной службе она рассказывала так: «В церкви на Пасху было богослужение знаменитое, великолепное, там был весь дипломатический корпус, все было разукрашено ветками, хор был. Сорок человек в хоре было. Никишин руководил хором. Голоса переливались [...], замечательно было. Ангельские голоса были. И за эту всенощную пасхальную [службу], владыка и весь клир двенадцать раз переоблачались [...]. Это была такая красота! И песнопения [...]. Это воспоминание у меня как сказка!»[4]. Ей запомнился крестный ход в полночь вокруг храма на Староместской площади. Иностранцы могли попасть на службу только по пригласительным билетам. А утром в храме накрывали столы, и любой мог разговляться с владыкой. Пражская беднота, нищие всегда знали, когда русская Пасха и приходили угоститься.

Чрезвычайно трогательные детские воспоминания о праздновании Пасхи и Рождества в Праге оставила дочь известного литературоведа Альфреда Людвиговича Бема Татьяна Рейзер. Привести эти описания целиком не представляется возможным, так как они достаточно пространны, но интересно их почитать, особенно в канун этих праздников, чтобы понять, как они отмечались раньше. Татьяна описала радостную, светлую атмосферу пасхальной службы, ощущение счастья и восторга после того, как владыка Сергий произносил «Христос Воскресе!»: «Люди оглядываются, смеются, счастливые глаза ищут другие счастливые глаза. Вот начинают христосоваться, сначала чинно, степенно: муж с женой, с детьми. Но поцелуи становятся все звонче и сочнее, все задорней и веселее [...]. Ах какой праздник, какой ни с чем не сравнимый праздник. На душе легко, ведь отговелась только на этой неделе, еще не успела нагрешить, и внутри легко, кажется, подымешь руки и полетишь в весну»[5]. После заутренней службы все пешком возвращались домой, так как трамваи в 4 утра еще не ходили. На следующий день все навещали друг друга, только хозяйки сидели дома и принимали гостей. Татьяна красочно описала предпраздничную суету, приготовление кулича, сырой пасхи, окраску яиц, причем в подготовке к празднику участвовала вся семья: родители и дети. Объединение вокруг православного храма сближало людей, попавших в ЧСР по преимуществу в католическое окружение. Сравнивая католические и православными праздники, Татьяна писала: «Да, Пасха единственный, ни с чем не сравнимый

[3] Воспоминания, дневники, беседы, 450.
[4] Там же, 449–450.
[5] Рейзер (Бем) 1995, 82–86.

праздник. Ни за что на свете, даже за Рождество, я бы не променяла Пасхи. Хотя в Чехии Рождество считается самым большим праздником. Странные католики, у них всё наоборот. Рождественская служба служится в полночь, а заутрени у них вообще нету, только вечерня. Нет, у нас лучше». «Хотя, – добавила Татьяна дальше, – по правде сказать, и Рождество я бы не променяла ни за что на свете. Даже на Пасху бы не променяла. Очевидно, все так мудро устроено, что всему свое время. Весной Пасха, а зимой Рождество»[6].

Рождество отмечали как дома, так и в гимназиях, клубах и обществах, где устраивались елки с театральными представлениями и маскарадами. В день св. Николая было принято (сейчас в Чехии эти традиции тоже сохраняются), чтобы приходил св. Николай с чертом и ангелом, одаривал послушных детей орехами и конфетами, а непослушные получали картофелину или уголек. Этот обычай стали соблюдать и в русских семьях: «Наш Николай, – писала Татьяна, – был проще и к тому же шалун. Он никогда не показывался нам на глаза, но норовил всегда из темного угла запустить в нас пригоршнями орехов и конфет»[7]. Появились и новшества: по воспоминаниям той же Рейзер-Бем, «несколько русских семей праздновали Рождество по-католически. Мы их в душе глубоко презирали и называли нехристями, но на елку ходили с удовольствием»[8]. К Рождеству родным и близким делали небольшие подарки, дети делали их своими руками. В Русском клубе отмечалось Рождество и отдельно – Новый год. В программе Русского клуба на 31 декабря 1919 г. была намечена такая встреча Нового года: оркестр, кабаре, буфет, концертное отделение с участием смешанного русского хора В.Ф. Кибальчича и с танцами под струнный оркестр[9]. А в 1921 г. в Русском клубе праздновали еще и «старый» Новый год 13 января[10].

Видные политики ЧСР часто участвовали в праздничных мероприятиях русских эмигрантов. 13 января 1922 г. газета «Руль», например, сообщала, что магистрат Праги, правительство ЧСР и чехословацкий Красный Крест устроили праздник русской елки, на котором присутствовали министр иностранных дел Э. Бенеш с супругой, его заместитель В. Гирса, депутат парламента и председатель национально-демократической партии К. Крамарж, глава канцелярии президента П. Шамал, мэр Праги К. Бакса и члены дипломатических миссий.

Появились новые эмигрантские праздники, многие из которых впервые отмечались в Чехословацкой республике. Это, например, День русской культуры («Д.Р.К.») [Волошина 2013, 232–237], приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина 6 июня, День русского ребенка, который отмечали в праздник Благовещенья (25 марта, по-старому, и 7 апреля по новому стилю) [Петрушева 2019, 103–108], День русского студента, День русского инвалида. Впервые «Д.Р.К.» отмечался в Эстонии в 1924 г. [Andreyev, Savicky, 156–157], а в Чехословакии, как и во многих других странах его стали отмечать с 1925 г. 10 февраля того года в ЧСР состоялось совещание по установлению празднования Дня русской культуры, на котором было принято предложение «установить празднование общеэмигрантского дня русской культуры» и избрать датой его проведения 25 мая (по ст. ст.) – день рождения Пушкина. Также было решено связаться с представителями Парижского Земгора и с эмигрантскими организациями в Англии, Америке, Тунисе, Алжире, Египте, Австрии, Бельгии,

[6] Там же, 82–86.
[7] Там же, 87.
[8] Там же.
[9] Хроника. Т. I, 21.
[10] Там же, 39.

Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Испании, Канаде, Латвии, Польше, Турции, Франции, Финляндии, Харбине, Чехии, Швейцарии, Югославии, Южной Америки и Эстонии, а также выяснить возможности организации праздника в Голландии, Дании, Норвегии, Румынии и Швеции[11]. И уже в 1925 г. День русской культуры состоялся в 13 странах[12]. В программу празднования в Чехословакии вошли: дневное торжественное заседание, детский праздник-гуляние и вечерний концерт[13]. В дальнейшем заседания включали лекции о русских писателях, зодчих, старинных городах. В Чехословакии День русской культуры отмечали не только в Праге, но и в провинциальных центрах Моравии, Словакии и Подкарпатской Руси. Часто к организации празднований подключались и чехословацкие оркестры, театры. Так, в 1927 г. Чешская опера и Чешский драматический театр в Праге отметили День русской культуры постановкой русских опер и пьес, в нем также принял участие оркестр чешской филармонии под управлением профессора Франтишека Ступки[14]. Председателем комитета Дня русской культуры долгие годы являлась известная общественная деятельница графиня С.В. Панина [Серапионова 2019, 173–193].

С 1929 г. стали устраивать День русского ребенка («Д.Р.Р.»). Самое активное участие в его организации принимало Педагогическое бюро, Союз русских академических организаций за границей, Правление Объединения русских учительских организаций за границей, которые и предложили Русскому Зарубежью ежегодно устраивать «Д.Р.Р.» для сбора средств на удовлетворение духовных и материальных нужд русских детей, находившихся за границей[15]. Дело в том, что в связи с сокращением Русской акции помощи, проводимой чехословацким правительством, началом мирового экономического кризиса, приведшего к безработице (в первую очередь среди эмигрантов) и сокращению частных иностранных пожертвований, положение русских семей ухудшилось и необходимо было принять экстренные меры по организации питания, лечения детей и снабжения их одеждой, а также устройству летних лагерей[16], а для этого нужны были средства. Кроме того, на Совещании по борьбе с денационализаций русской эмигрантской молодежи 4–5 октября 1928 г. констатировалось, что денационализация русских детей приняла угрожающий характер. По мнению участников совещания, это было связано как с нуждой большинства русских семей, так и с их желанием приобщить ребенка к культуре страны проживания, поставить его экономически на ноги. Они считали, что предотвратить процесс денационализации помогут прежде всего русские школы, а там, где их создать не удалось – устройство детских садов, клубов, летних лагерей, праздников, библиотек и т.п. В том числе рекомендовалось разработать вопрос об установлении «Д.Р.Р.». Инициатива русских эмигрантов в ЧСР вскоре распространилась и на другие страны, где жили выходцы из России. Так, уже в 1929 г. День русского ребенка отмечали в 13 странах, там образовались временные или постоянные организационные комитеты, обладавшие автономностью. Средства для детей привлекались путем уличных кружечных сборов, подписных листов, лотерей, доходных увеселений, собраний, празднеств, спектаклей, фильмов, концертов, а также денег частных

[11] ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.
[12] Там же. Л. 12.
[13] Русские в Праге, 125–126.
[14] Там же, 127.
[15] ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[16] ГАРФ. Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 132. Л. 140.

благотворителей. Но рекомендовалось прибегать к помощи иностранцев в основном только в тех странах, где для этого существовали условия и установились достаточно тесные контакты русских беженцев с местным населением[17]. В Праге был создан Центральный фонд «Д.Р.Р.», куда отчисляли 10% от местных сборов в других странах. В 1929 г. из 13 стран в Центральный фонд поступило 52319,80 кр.ч. (39 600 франков), которые пошли на поддержку 24 детских учреждений[18]. В дальнейшем средства из Центрального фонда распределялись и направлялись наиболее нуждавшимся странам[19]. В Чехословакии «Д.Р.Р.» отмечался не только в Праге, но и в других частях страны. В отчете о проведении «Д.Р.Р.» в Словакии (Ладимирово) в 1938 г. читаем: «Вообще нам удалось воплотить идею Д.Р.Р., только дождик помешал детям порезвиться, попрыгать и повеселиться. Не оставляем мысли в будущем году повторить подобный "День русского ребенка" и привлечь более широко соседние школы. В этом году участвовало 5 народных школ. В будущем году попытаемся на Благовещенье устроить среди наших детей по школам сбор по принципу "дети детям", если не галлержами[20], то хотя бы яйцами [...]. Для нашего праздника присланных Центральным фондом 150 кр.ч. оказалось недостаточно, и мы собрали среди местной интеллигенции тоже 150 кр.ч., а среди детей по яичку. Так что нам хватило и даже имеем маленький резерв на будущий год»[21].

После Мюнхенского соглашения, когда экономические и политические условия в ЧСР значительно ухудшились, Центральный фонд «Д.Р.Р.» благодарил Союз славянских женщин и его председателя Б. Смоляржеву-Чапкову за помощь русским детям[22]. Председатель Центрального комитета фонда «Д.Р.Р.» П.Д. Долгоруков указывал, что если раньше Чехословацкая республика по сборам занимала первое место и оказывала помощь русским детям в других странах (всего Центральный фонд переслал в другие страны 125 000 кр.ч.[23]), то теперь местные сборы идут целиком на помощь русским детям в ЧСР, а деньги, собираемые отделениями в Подкарпатской Руси (являвшейся частью Чехословакии), – на нужды местных карпаторусских детей (граждан ЧСР)[24]. В конце 1930-х годов наибольшие сборы в «Д.Р.Р.» стали осуществлять в США и на Дальнем Востоке. Собранные ими и рассылаемые по всему Русскому Зарубежью средства спасли не одну сотню русских детей. После распада Чехословакии в 1939 г. и захвата Венгрией Подкарпатской Руси функции Центрального фонда «Д.Р.Р.» Долгоруков передал в США, так как денежные переводы из Протектората Богемии и Моравии за границу в 1939 г. были запрещены.

В сентябре 1922 г. по инициативе Организации русских эмигрантских организаций был проведен День русского студента[25]. Отмечался и День русского инвалида. Идеи проведения этих праздников часто возникали в Праге, где нередко находились и оргкомитеты по их устройству. Как писал в 1938 г. в письме В.В. Рудневу П.Д. Долгоруков: «Все наши "Дни", зарожденные в Праге ("День русской культуры", "День Поминовения", "День русского ребенка") кроме специальной цели каждого имеют своей задачей общенациональное,

[17] ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
[18] Там же. Л. 55.
[19] Там же. Л. 64.
[20] Мелкая денежная единица в ЧСР (1 кр.ч. = 100 галлержей).
[21] ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
[22] Там же. Д. 7. Л. 26.
[23] Там же. Л. 7.
[24] Там же. Л. 26–26об.
[25] Хроника. Т. 1, 76.

собирающее, воспитывающее дело, нравственно цементирующее нашу рассеянную соборность»[26]. Празднования проводились, чтобы подчеркнуть свою «русскость», верность русскому культурному коду и, конечно, в целях благотворительности, чтобы сборами от мероприятий помочь нуждавшимся. Эти праздники объединяли россиян, рассеянных по всему миру.

Были и специфические праздники, которые отмечались только в Чехословакии. Например, ежегодно отмечали день рождения чехословацкого президента Т.Г. Масарика или покровителей русских в ЧСР четы Крамарж. Особенно широко отмечались круглые даты чехословацких государственных и политических деятелей. Например, 4 марта 1920 г. усилиями Чешско-русского объединения (Едноты) праздновали 70-летие президента Чехословакии, с докладом «Масарик и Россия» выступил Б.В. Морковин, а 6 марта в честь этого же события состоялось общее собрание объединения[27]. В 1925 г. русские поздравляли с 50-летием заместителя министра иностранных дел «русского» чеха В. Гирсу, который заведовал всем русским делом и помощью русским в ЧСР. Эмигранты преподносили ему адреса и подарки[28]. В свою очередь чехословацкие политики давали вечера в честь русских, проживавших в Праге. Такой вечер состоялся 25 января в Татьянин день 1920 г. в Мештянской беседе по инициативе первого чехословацкого премьера К. Крамаржа[29]. Он же 9 марта 1921 г. организовал благотворительный вечер «Русский чай» в пользу русской эмиграции[30]. 15 сентября 1920 г. и в этот же день на следующий год Т.Г. Масарик устроил прием в честь проф. А.В. Карташева, 22 октября 1920 г. он принимал А.Ф. Керенского, а 25 ноября 1921 г.– кн. С. Волконского[31]. Славянофил и русофил К. Крамарж, женатый на русской, регулярно устраивал благотворительные вечера, обеды и чаи по четвергам. Секретарь Л.Н. Толстого В. Булгаков писал о Крамарже: «Крамарж любит русских [...]. Любит русских и его жена [...], “чай наша”! Роскошный дом Крамаржа в Праге [...] открыт для русских [...]. По “четвергам” тут чаи. А иной раз, специальными карточками русские приглашаются на большие рауты и вечера с литературным отделением или концертом и, главное (!), с ужином»[32]. О многочисленных приемах у Крамаржа вспоминал и Н.П. Кондаков[33]. Т.Г. Масарик, как правило, предпочитал принимать эмигрантов, приглашая одного-двух. На его приемах бывали: ученый и инженер А.С. Ломшаков, литератор А.М. Амфитеатров, литературовед и издатель Е.А. Ляцкий, профессор, экономист В.Ф. Тотомианц, экономист и политик С.С. Маслов, церковный и общественный деятель А.В. Карташев, историк В.А. Францев и многие др.). Но иногда устраивались и так называемые общие (более многочисленные) приемы у президента[34]. На рауте у президента в честь представителей русского общества 13 марта 1924 г. собралось около 200 человек[35].

---

[26] ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.
[27] Хроника. Т. I, 25–26.
[28] Булгаков, 318–322.
[29] Хроника Т. I, 23.
[30] Там же, 42.
[31] Там же, 34, 35, 56, 58.
[32] Булгаков, 326–327.
[33] Кондаков, 273.
[34] Об одном из них вспоминала Е.А. Максимович (урожд. Кизеветтер). (Воспоминания, дневники, беседы, 399–400).
[35] Хроника Т. I, 142.

Проводились памятные мероприятия в честь чешских и словацких исторических личностей (например, Я. Гуса[36]), здравствовавших и уже почивших выдающихся деятелей. 12 марта 1923 г. Союз русских писателей и журналистов отметил 70-летие чешского писателя и публициста Й. Голечека[37]. В апреле 1923 г. русская колония отметила 120-летний юбилей карпаторусского писателя А.В. Духновича[38]. Праздновались также юбилеи образования Чехословацкой республики[39].

Иногда открытие эмигрантских заведений в ЧСР либо годовщины со дня открытия сопровождалось праздничными концертами или торжественными собраниями. Так, 7 июня 1921 г. по случаю открытия ресторана «Русский дом» был организован концерт[40], а 18 мая 1923 г. торжественно отмечалась годовщина Русского юридического факультета в Праге[41]. В приглашении на открытие общества Русского народного университета 8 декабря 1925 г. указывалась программа, предусматривавшая речи председателя совета Русского народного университета проф., д-ра М. Новикова и проф. Пражского политехникума З. Бажанта, а также исполнение музыкальных номеров русским студенческим хором им. А.А. Архангельского[42].

Отдельной категорией празднеств являлись юбилеи со дня рождения и годовщины смерти русских писателей (например, Л.Н. Толстого[43], Ф.М. Достоевского[44]), поэтов[45], художников, композиторов, ученых[46], военачальников[47], историков[48], общественных деятелей[49], политиков[50], правителей[51]. Отмечались знаменательные даты отдельных институций, например, уже в июле 1929 г. в чехословацкой столице началась подготовка к празднованию 175-летия Московского университета [Бочарова 2014, 211–212]. В Праге, Париже, Берлине и др. городах возникло 13 комитетов и обществ по ознаменованию этого события. Пражский комитет возглавил бывший ректор университета М.М. Новиков[52]. Само празднование прошло в Татьянин день 1930 г. неслучайно, так как с этим днем связано основание Московского университета, затем он стал

---

[36] Там же. С. 13.
[37] Там же. С. 95.
[38] Там же. С. 102.
[39] Там же. С. 116, 164–165.
[40] Там же. С. 47.
[41] Там же. С. 104.
[42] ГАРФ, Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
[43] Хроника Т. I, 35; Воспоминания, дневники, беседы, 322.
[44] Хроника Т. I, 70.
[45] В июне 1924 г. праздновали 125 лет со дня рождения А.С. Пушкина, в ноябре 1925 г. отметили 50-летие со дня смерти А.К. Толстого, в феврале 1928 г.– 40-летие литературной деятельности и 60-летие поэта Д.М. Ратгауса (Там же, 156, 215, 291).
[46] 15 июля 1923 г. состоялся юбилейный вечер в ознаменование 100-летия со дня рождения философа, социолога и публициста П.Л. Лаврова (Там же. С. 107).
[47] В Братиславе 8 марта 1929 г. был дан парадный ужин с чествованием генерала А.П. Кутепова (Там же, 340).
[48] В январе 1932 г. в Русском народном университете состоялось собрание в память историка В.О. Ключевского.– Воспоминания, дневники, беседы, 338.
[49] В ноябре 1923 праздновали 100-летие со дня рождения И.С. Аксакова. См.: Хроника. Т. I, 120.
[50] В январе 1929 г. отметили 85-летний юбилей «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, а 6 марта 1929 г. в Общественном доме в Праге был устроен банкет в честь 70-летия П.Н. Милюкова (Там же, 329–330, 339).
[51] Так, 12 июля 1919 г. посланник Королевства СХС И. Грибарь дал обед в честь дня рождения Петра I, на который были приглашены русские эмигранты. См.: Хроника. Т. I, 70.
[52] ГАРФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

и днем российского студенчества и фактически праздником российской интеллигенции. Позднее силами наиболее активных пражского и парижского комитетов во французской столице на средства, собранные в разных странах, опубликовали сборник статей, в котором исторический очерк о старейшем российском высшем учебном заведении написал А.А. Кизеветтер. Оставшиеся от издания и вырученные от продажи книг деньги пошли на стипендии имени Московского университета русским студентам, обучавшимся за границей[53]. По инициативе пражского комитета к юбилею университета русским в разных странах была разослана анкета со следующими вопросами: «1) Время окончания высшего учебного заведения в России или за границей; 2) факультет или отделение; 3) деятельность в России; 4) деятельность за границей; 5) страна пребывания». Полученные ответы на анкету позволили в какой-то степени учесть эмигрантов с высшим образованием (т.е., как считалось, культурные силы для будущей России).

Татьянин день по традиции русские эмигранты, студенты и профессора, в разных странах рассеяния отмечали весело. С 1920 г. живший в ЧСР, а затем переехавший в Белград профессор Киевского университета (с 1918 г. ректор) Е.В. Спекторский вспоминал о праздновании Татьянина дня: «В 1922 г. Татьянин день был ознаменован торжественным публичным собранием с речами. В числе ораторов был и я. Затем состоялся ужин совместно со студентами. Они решили подпоить меня и поднесли мне “чарочку”. Я произнес столыпинскую фразу: “Не запугаете” – и проглотил оказавшуюся в ней какую-то чудовищную смесь. После этого я стал слишком весел. К моему удивлению, меня привели домой два студента, крепко державших меня под руки. И я не помню, как меня раздевали и уложили спать. Словом, со мной произошло то же самое, что за год до этого с Ф.В. Тарановским[54]»[55].

Отмечались исторические события и их юбилеи, причем как современные, так и давно минувшие. Торжественное заседание, посвященное прославлению мира, заключенного в Версале в июне 1919 г., состоялось в Национальном музее с участием президента Т.Г. Масарика, чехословацких политиков и представителей русских эмигрантов. В 1924 г. проводились мероприятия в связи с десятилетием начала Великой войны[56]. Не оставляли без внимания и годовщины создания Добровольческой армии и эвакуации из Крыма[57]. По случаю 100-летнего юбилея восстания декабристов образовали особый комитет по подготовке торжественного заседания, избрали его исполнительное бюро во главе с А.А. Кизеветтером. Приготовления к событию начались заранее с обращения к различным русским и украинским организациям в ЧСР с просьбой принять участие и ассигновать любую возможную сумму. Многие организации, причем как русские, так и чехословацкие, откликнулись на эту инициативу и внесли взносы[58]. Украинские организации отправили на мероприятие своих представителей[59]. Заседания исполнительного бюро проходили в помещении Русского заграничного исторического архива (РЗИА)[60]. Торжественное

---

[53] Там же. Л. 3, 10–10об.
[54] Тарановский Федор Васильевич (1875–1936) – историк права, профессор Юрьевского, Петроградского, Екатеринославского, а затем Белградского университета.
[55] Спекторский, 367–368.
[56] Хроника Т. I, 159.
[57] Там же. С. 120.
[58] ГАРФ. Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 2. Л. 1. 4–6, 11; Д. 3. Л. 1–2.
[59] Там же. Л. 7–8.
[60] Там же. Д. 1. Л. 3–5.

заседание состоялось 28 декабря 1925 г. в помещении Земгора в 18:30. С речами выступили А.А. Кизеветтер и М.Л. Слоним. В работе литературного отделения участвовали артисты Московского Художественного театра Н.Г. Коваленская и А.А. Брей[61]. 19 февраля по ст. стилю и 4 марта по-новому праздновали День освобождения крестьян[62].

Исторические события праздновались как всей активной частью русской колонии в ЧСР, так и отдельными группами и профессиональными сообществами. Так, редакция эмигрантской газеты «Славянская заря» в ресторане «Черный конь» устроила 11 сентября 1919 г. празднество по случаю выхода первого номера газеты, а создание Чешско-русского объединения сопровождалось 16 сентября 1919 г. чествованием эсеров Е.К. Брешко-Брешковской, Е.Е. Лазарева и др.[63] Студенты и профессора, как уже указывалось, отмечали Татьянин день как день Московского университета[64]. Проводились вечеринки и банкеты для студентов[65], праздники «Русского сокола»[66]. Иногда устраивались и просто вечера памяти ушедших выдающихся деятелей русской культуры, не связанные с юбилейными датами. Союз русских журналистов и писателей 22 сентября 1921 г. организовал вечер памяти А. Блока (28 ноября 1880 – 7 августа 1921 г.)[67].

Массовость участия в отдельных мероприятиях была разной, многое зависело от популярности той или иной исторической личности, а также от отношения эмигрантов к конкретному историческому событию. С этим же был связан и выбор здравствующих или уже ушедших юбиляров. Из числа здравствующих приоритет был за теми, кто проживал в ЧСР, часто туда наведывался либо получил престижную премию и мировое признание. Иногда чествовали сразу нескольких лиц. 16 апреля 1920 г. Чешско-русское объединение организовало вечер с чаем в честь певца и общественного деятеля А.Д. Александровича, проф. Н.В. Ястребова и режиссера Ю.Э. Озаровского[68]. В 1924 г. чешские и русские ученые чествовали академика Н.П. Кондакова в связи с его 80-летием[69]. В 1925 г. русская колония в ЧСР отмечала 80-летие писателя, публициста, военного корреспондента Вас. И. Немировича-Данченко, а в 1930 – его 85-летие[70]. Отмечались также круглые даты известных и уже почивших русских деятелей культуры.

Для подготовки и проведения торжеств обычно выбирался оргкомитет, который назначал дату, составлял и согласовывал программу мероприятия, договаривался с участниками, рассылал приглашения или оповещал о них через прессу. Иногда выходили даже разовые однодневные газеты, где фиксировались праздничные мероприятия и назывались их участники.

Что касается вопроса об интенсивности проведения праздников на протяжении межвоенного периода (в 1920–1930-е годы), когда экономическая и политическая обстановка в стране значительно менялась, то используя опубликованную коллегами из Праги хронику культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике, составленную на основе газетных

---

[61] Там же. Д. 2. Л. 6.
[62] Хроника. Т. I, 94.
[63] Там же. С. 14–15.
[64] Там же. С. 61, 335.
[65] Там же. С. 80, 84.
[66] Там же. С. 92, 259.
[67] Там же. С. 53.
[68] Хроника. Т. I, С. 28.
[69] Там же, 165.
[70] Воспоминания, дневники, беседы, 335.

сообщений, удалось установить, что в 1920-е годы, когда постепенно стабилизировалась экономическая обстановка в стране, а также в связи с началом в 1921 г. Русской акции помощи чехословацкого правительства эмигрантам из России [Русская акция; Сладек 2008, 7–14], количество мероприятий было наиболее многочисленным. В 1930-е годы из-за экономического кризиса, больно ударившего в первую очередь по эмигрантам, лишившимся работы, количество отмечавшихся праздничных дат сократилось. К середине 1930-х годов были установлены официальные дипломатические отношения ЧСР и СССР, подписан советско-чехословацкий союзнический договор, что также послужило одной из причин сворачивания помощи эмигрантам. Да и само количество русских эмигрантов в Чехословакии сократилось более чем в два раза в связи с переездом в другие страны и естественным уходом из жизни представителей старшего поколения. Но даже после Мюнхена в условиях раздела, а позднее распада страны, оккупации Чешских земель и включения их в качестве протектората в состав Германии в марте 1939 г., а затем и в военные 1940-е годы русские эмигранты старались отмечать традиционные праздники и самые важные культурные вехи. На «старый» Новый год в 1939 г. Галлиполийское землячество провело традиционный галлиполийский бал, и чуть позже елку для детей. В феврале Русский свободный университет (РСУ) [Аксёнова, Досталь, 2000, 85–103] и Научно-исследовательское объединение отпраздновали Татьянин день, а сборы от этого мероприятия пошли на издание научных трудов. «Русский сокол» 18 февраля 1939 г. устроил костюмированную вечеринку, а 11 марта – «семейный» вечер[71]. Объединение русских эмигрантских организаций 29 марта 1939 г. организовало вечер к 100-летию со дня рождения М. Мусоргского. В мае 1939 г. РСУ отметил 100-летний юбилей путешественника и исследователя Н.М. Пржевальского[72]. В 1942 г. в списке членов организационного комитета Дня русской культуры в Протекторате Чехия и Моравия насчитывалось 25 человек. Из них 11 присутствовали на подготовительном собрании 20 мая, когда был принят наказ, предусматривавший продолжить «устройство собраний, лекций, концертов и спектаклей, а равно и выпуск публикаций, посвященных прославлению достижений русской культуры и особенно устройство ежегодного торжественного собрания, приуроченного к дате рождения А.С. Пушкина (8 июня)»[73]. И это уже во время войны фашистской Германии и СССР.

Информация о проведении мероприятий сохранилась в виде отчетов организаций и объединений, в газетных заметках, кинохрониках, воспоминаниях и дневниках эмигрантов. Почти все эти исторические источники были задействованы в написании данной статьи и свидетельствуют о том, что праздники составляли важную часть эмигрантской жизни. Изучая эти свидетельства повседневной жизни эмигрантов в Чехословакии (и, конечно, не только в этой стране), можно узнать много интересных подробностей и из истории принимавшей их страны. Стараясь сохранить свои традиции, эмигранты все же неизбежно копировали и некоторые праздники той страны, где жили. С другой стороны, участие чехословацких политических и общественных деятелей в празднествах и культурных мероприятиях, устраиваемых русской колонией в ЧСР, привлекало общественное внимание, знакомило чехов и словаков с русскими традициями, способствовало сближению народов и взаимопроникновению культур.

---

[71] Хроника. Т. II, 495, 496, 498, 499, 501.
[72] Там же, 502, 504.
[73] ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ДРК – День русской культуры.
ДРР – День русского ребенка.
Земгор – Комитет земских и городских деятелей.
Королевство СХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев.
Кр. ч.– чехословацкие кроны.
РЗИА – Русский заграничный исторический архив.
РСУ – Русский свободный университет.
ЧСР – Чехословацкая Республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Булгаков В. Отрывки из записей о русских и о чехах («Осколки России») // Воспоминания, дневники, беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л.Н. Белошевская и кол. авт. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011. Кн. 1. С. 318–322.

Воспоминания, дневники, беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л.Н. Белошевская и кол. авт. Прага, 2011. Кн. 1. 672 с.

ГАРФ. Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 22.

ГАРФ Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 1, Д. 2.

ГАРФ Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1, Д. 7, Д. 8.

ГАРФ Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 132.

ГАРФ Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 3.

Кондаков Н.П. Дневники 1922–1923. Фрагменты // Воспоминания, дневники, беседы Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л.Н. Белошевская и кол. авт. Прага, 2011. Кн. 1. С. 251–317.

Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 288 с.

Рейзер (Бем) Т. Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií-3) / ed. V. Veber. Praha: Seminář pro dějiny vychodní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK, 1995. c.

Русские в Праге 1918–1928 гг. / ред.-сост. С.П. Постников. Прага: Легиография, 1928. 348 с. Reprint Národní knihovna v Praze. Praha: Polygrafické středisko NK v Praze, 1995.

Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский, 2020. 654 с.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000. Т. I. 1919–1929. 368 с.; Прага: Славянский институт АН ЧР, 2001. Т. II. 1930–1939. 640 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксёнова Е.П., Досталь М.Ю. Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. III–IV (1998–1999) № 2. Прага: Euroslavica, 2000. С. 85–103.

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: От расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3. // Русский мир в XX в. В 6 томах / Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 336 с.

Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 448 с.

Йованович М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в перв. пол. 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Сборник докладов. Прага: Славянская библиотека, 1995. 2-я часть. С. 675–685.

Петрушева Л.И. День русского ребенка в Чехословакии // Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního pisemnictví, 2019. С. 103–108.

Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии / сост. Л. Бабка и И. Золотарёв. Прага: Русская традиция, 2012. 359 с.

Серапионова Е.П. Софья Владимировна Панина: чехословацкий период жизни (1924–1938 гг.) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 173–193.

Сладек З. Русская акция помощи // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага: RT+RS Servis, 2008. С. 7–14.

Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1939. New Haven; London: Yale University Press, 2004. 246 p.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2023
Рукопись принята к печати 20.04.2023

REFERENCES

Aksënova Je.P., Dostal' M. Iu. Russkii svobodnyi universitet (Russkaia uchenaia akademiia) v gody Vtoroi mirovoi voiny. *Rossica. Nauchnyje issledovaniia po rusistike, ukrainistike, belorusistike. III–IV (1998–1999),* no. 2. Praha: Euroslavica, 2000, pp. 85–103. (In Russ.)

Andreyev C., Savicky I. *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1939.* New Haven; London: Yale University Press, 2004, 246 p.

Bocharova Z.S. Russkii mir 1930-kh godov: Ot rastsveta k uviadaniiu Zarubezhnoi Rossii. Moscow: AIRO-XXI, Publ. 2014., t. 3, 336 p. *Russkii mir v KHKH* v. V 6-ti tomakh. (In Russ.)

Voloshina V. I*u. Vyrvannyje iz rodnoi pochvy. Sotsial'naia adaptatsiia rossiiskikh uchenykh-emigrantov v 1920–1930-je gody.* Moscow: Forum, Publ., 2013, 448 p. (In Russ.)

Iovanovich M. Chekhoslovakiia i Iugoslaviia na karte Zarubezhnoi Rossii (v perv. pol. 20-kh gg. KHKH v.). *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdu dvumia mirovymi voinami. Rezul'taty i perspektivy provedennykh issledovanii. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov». Sbornik dokladov.* Praha: Slovanská knihovna, 1995. 2-ia chast', pp. 675–685. (In Russ.)

Petrusheva L.I. Den' russkogo rebenka v Chekhoslovakii. *Iz istorii izgnaniia. Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhvojennoi Chekhoslovakii,* ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního pisemnictví, 2019, pp. 103–108. (In Russ.)

Russkaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii. Istoriia, znachenije, nasledije. *K 90-letiiu nachala Russkoi aktsii pomoshchi v Chekhoslovakii,* sost. L. Babka i I. Zolotarëv. Praha: Russkaia trditciia, 2012, 359 p. (In Russ.)

Serapionova E.P. Cof'ia Vladimirovna Panina: chekhoslovatskii period zhizni (1924–1938 gg.). *Slavianskii al'manakh*, 2019, no. 3–4, pp. 173–193. (In Russ.)

Sladek Z. Russkaia aktsiia pomoshchi. *Dom v izgnanii. Ocherki o russkoi emigratsii v Chekhoslovakii.* Praha: RT+RS Servis. Publ., 2008, pp. 7–14. (In Russ.)

Received on 10.03.2023
Accepted on 20.04.2023

Информация об авторе:

Серапионова Елена Павловна
доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0269-140X
E-mail: *serapionovae@mail.ru*

Information about the author:

Elena P. Serapionova
DSc. (History), Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0269-140X
E-mail: *serapionovae@mail.ru*